

ФИНСКАЯ ТЕМА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В. С. СОЛОВЬЕВА

Н. Г. ЮРИНА,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры финно-угорских литератур
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Проблема творческого диалога и взаимовлияний национальных литератур не теряет актуальности в современном российском литературоведении. Одной из разновидностей материала в исследованиях становятся тексты, тематически связанные с историей и культурой народа другой страны, ее природой, переосмысленные в сознании художника слова в соответствии с его мировоззренческими и эстетическими взглядами, национальными особенностями. В данном контексте нам представляется интересным понаблюдать за тем, как воплощалась финская тема в творчестве В. С. Соловьева – известного философа и поэта конца XIX столетия. Поэзия этого автора изучается сегодня достаточно интенсивно (существует множество серьезных исследований как российских, так и зарубежных ученых, среди которых необходимо назвать работы Д. М. Магомедовой [2], Н. Н. Зуева [1], П. Чжонг-Со [9] и др.), но вышеобозначенный аспект практически не рассматривался, хотя Соловьев писал о Финляндии не один раз и всякий раз по-разному. Можно утверждать, что финская тема в творческом сознании поэта развивалась, определенным образом трансформировалась.

Указанная тема появляется в лирике Соловьева в начале 1890-х гг. в связи с неоднократными поездками философа в

Финляндию и длительным проживанием там по рекомендациям врачей. Уже первое его впечатление от финской природы было потрясающе сильным. «Финляндия гораздо красивее Италии, – писал он брату Михаилу летом 1893 г. – Особенно въезд в Або (читай Обо)... “Об” по-еврейски значит колдовство, магия. Этим словом ссудили евреев (без процентов) древние халдеи, которые, как тебе известно, были родные братья финнов; и те и другие славились колдовством, а потому и немудрено, что древняя финская столица получила свое название от магии, что вполне подтверждается магическим впечатлением, которое она производит» [7, 126–127].

Первое стихотворение Соловьева, посвященное Финляндии, «В окрестностях Або», содержалось в письме к Н. Я. Гроту, датированном январем 1894 г.: «Не позабуду я тебя, // Краса полуночного края, // Где, небо бледное любя, // Волна бледнеет голубая...» [8, 102]. Эта пейзажная зарисовка задала тон последующим произведениям на аналогичную тему. Финляндия в творческом сознании Соловьева стала ассоциироваться с краем нераскрытых тайн и глубокой внутренней жизни, которую при поверхностном взгляде можно не заметить: «Где ночь безмерная зимы // Таит магические чары, // Чтоб вдруг поднять средь белой тьмы // Сияний вещей пламень ярый» [8, 102].

На протяжении 1890-х гг. Соловьев создал цикл стихов, посвященных озеру Сайма. Переписка философа с друзьями доказывает, что Сайма становится важной частью его повседневной жизни. Он сообщает о том, что «озеро, наконец, вскрылось и сейчас же без всяких приготовлений отразило в себе великолепную зарю» [5, 127], что «здесь начало жары среди еще нарастающего снега...» [5, 184], что «совершенно отделен от мира... на озере Сайме» [5, 94]. Вместе с тем образ Финляндии делается частью его внутреннего мира, одной из ключевых тем творчества. Говоря о состоянии своих литературных дел в письмах к М. М. Стасюлевичу, Соловьев шутливо отмечает: «...нимфа озера Сайма едва ли интересуется принципом наказания, – водяной дедушка хотя и сечет ее подчас, но без всякого принципа» [5, 121], «...чухонка родила двойню на расстоянии недели» [5, 225], «чухонка куда-то провалилась – “ни слова, друг милый, ни звука”» [5, 227].

Как отмечала З. Г. Минц, пейзажная лирика Соловьева всегда была «тесно связанной с философской» [4, 25]. Уже первые стихотворения, посвященные Сайме, подтверждают это. Соловьев поэтически воплощает историю некой личной жизни озера, которая ассоциируется в его творческом сознании с противостоянием двух главных основ бытия – хаоса и гармонии, тьмы и света. В традициях тютчевской пейзажной лирики [3, 88–89] он считал хаотическое начало необходимой частью мироздания, которая обеспечивает мировое движение вперед, к абсолютному совершенству. Вот почему всяческие проявления мощи хаоса для него не носили угрожающего характера, не окрашивались в однозначно мрачные тона, а, напротив, вызывали восторг как проявления природной силы и безмерности.

В стихотворении «Сайма» (1894) поэт восхищается рвущейся на волю стихией («Бейся, волнуйся, невольница дикая!» [8, 105]), даже противопоставляет ее образ человеческому обществу, живущему

в определенных рамках, границах. Показательно, что вид беспокойного озера вызывает у Соловьева не только ассоциацию с бунтом против «враждебной судьбы», но и апокалиптические настроения и картины. В духе Ф. И. Тютчева и И. С. Тургенева [см. об этом: 10, 74] он изображает сон водной стихии о безмерном и вольном царстве над землей в первобытные времена и пророчествует о том, что этот сон непременно сбудется: «Сбудется сон твой, стихия великая, // Будет простор всем свободным волнам» [8, 105]. Тем не менее апокалиптические ноты звучат здесь не устрашающе. Проявления мощи природы не подавляют, а воодушевляют лирического героя.

В стихотворении «Что этой ночью с тобой совершилось?» (1894) поэт беседует с бушевавшей и смирившейся водной стихией сочувственно и доброжелательно: «Что этой ночью с тобой совершилось? // Ангел надежд говорил ли с тобой? // Или вчерашней грозой истомилось // И отдыхаешь пред новой борьбой?» [8, 105]. В двух стихотворениях ее жизнь показана контрастно: «плещет», «рвется», «спорит» «невольница дикая» («Сайма») и «истомилось», «отдыхает» озеро, «лепечут» струи («Что этой ночью с тобой совершилось?»). Упоминания о вчерашней грозе ставят под сомнение источник бунта стихии. Дважды повторенное «тихо» в последнем из стихотворений противопоставлено шуму, идущему, что очень важно, не изнутри, а извне («Только вдали дерева обнаженные // Вдруг прошумят и замолкнут опять» [8, 105]). Монолог лирического героя включает три риторических вопроса, что создает ощущение неспешной задушевной беседы. Если бы не средний род глаголов, можно было бы подумать, что речь идет о близком и дорогом ему живом существе.

Прием олицетворения водной стихии становится сквозным в последующих стихотворениях Соловьева о Сайме. Именно это обстоятельство привело к комическому недоразумению: в пресе заговорили о любовном романе начи-

нающего стареть известного философа и некой молодой особы. Действительно, ряд поэтических произведений о Сайме выстроился у Соловьева в определенном порядке (в «Вестнике Европы» они печатались под заглавиями «В бурю», «На другое утро», «У Саймы в полдень», «Последняя любовь»), раскрывающем историю неких отношений.

Финляндия в творческом сознании Соловьева стала ассоциироваться с краем нераскрытых тайн и глубокой внутренней жизни, которую при поверхностном взгляде можно не заметить.

Стихотворение «У Саймы в полдень» («Этот матово-светлый жемчужный простор...») (1894) первоначально не имело посвящения Н. Е. Ауэр, но уже через год оно вышло с таковым в рамках сборника «Стихотворения Владимира Соловьева» и не могло не дать пищу для домыслов. Казалось бы, произведение содержит только умиротворяющую картину северной природы с ее неброскими красками (преобладают черная, снежно-белая и светло-жемчужная) и незамысловатыми звуками детских голосов и бубенчиков стада. Простор вод и небес, над ними раскинувшихся, прозрачность воздуха, чистота нетающего снега и общее безмолвие, «чарующая нега» (Соловьев использует оксюморон «Здесь и самые звуки звучат тишиной...») – вот характерные черты финского пейзажа в восприятии поэта. Однако в заключительном катрене возникал мотив воспоминания о былых невзгодах на фоне гетевского восхищения красотой мгновения: «Так остаться бы век – и светло, и тепло // Здесь на чистом нетающем снеге. // Злая память и скорбь – все куда-то ушло, // Все расплылось в чарующей неге» [8, 106]. Спроецированный на появившееся посвящение, он обретал дополнительное – любовное – звучание. Известно, что с Н. Е. Ауэр Соловьев был знаком с момента первой поездки за

границу. В начале 1890-х гг. они вновь встретились на Сайме, но, судя по переписке с братом, поэт был более очарован ее девятнадцатилетней дочерью, которая напоминала ему его первую любовь. Весной 1895 г. он писал Михаилу: «...еще третьего дня я гулял по снежным равнинам озера Саймы с m-те Ауэр, за которою 19 лет тому назад ухаживал на Везуви: какой символизм! Теперь у нее 19-летняя дочь Зоя, напоминающая мне... Катю Владимировну лет 20 тому назад» [7, 132–133].

Еще более провокационное звучание получило стихотворение «Тебя полюбил я, красавица нежная...» (1894), не имевшее посвящения, но озаглавленное в журнальной публикации по-тютчевски: «Последняя любовь». Именно оно вызвало сенсационные слухи в прессе о романе философа с финской девушкой, хотя, по свидетельству самого Соловьева, в произведении были описаны его чувства к озеру Сайма, подарившему множество незабываемых ощущений. Признание в любви «красавице нежной» с «безбрежными взорами» и «печальной думой» на челе, благодарность за «ласку нежданную», за «желанную пристань» и мольба о любви и верности «скитальцу», действительно, выглядели недвусмысленными, но были всего лишь результатом художественного воплощения воображаемого романа Соловьева с Саймой. Сам философ неоднократно иронизировал по этому поводу в переписке с друзьями и публично. В письме к Н. Я. Гроту от 26 декабря 1894 г. он писал: «Под сенью струй опять // Один я поселился, // Опять... // Я в озеро влюбился...» [5, 85]. В предисловии к сборнику стихотворений 1900 г. – ироническое оправдание: «Одно северное озеро, небезызвестное в географии и полюбившееся мне... оказалось в глазах неофициального Катона легкомысленною особой женского пола, и я подвергся внушительному порицанию за то, что на склоне лет увлекаюсь юношескими чувствами... Сознаюсь, что подал повод к такому обвинению: нужно выразаться

яснее. Если вдохновляешься озером, то так и говори» [8, 304].

«На Сайме зимой» (1894) – образец пейзажной лирики Соловьева. Произведение содержит не только поэтическую зарисовку финской природы, но и философское ее обоснование. В первом-втором катренах приводится описание сна красавицы-феи, закутанной в «шубу пушистую», погруженной в «глубокий невозмутимый покой», в «белую тишь». В последнем – образ «владычицы сосен и скал» уточняется через ряд эпитетов и сравнений: «Ты непорочна, как снег за горами, // Ты многодумна, как зимняя ночь, // Вся ты в лучах, как полярное пламя...» [8, 107]. Завершающий перифраз «темного хаоса светлая дочь» мифологизирует Сайму, указывает на соловьевское видение двух главных основ мироздания. Фактически через мотив поиска и обретения той, которую видит лишь «внутреннее око», Соловьев сближает здесь этот образ с определяющим для его философской лирики образом Вечной Женственности. Сайма обретает характерные для Вечной Женственности признаки: непорочности, лучезарности, светоносности, мудрости.

На рубеже 1894–1895 гг. Соловьев создал два стихотворения, описывающие водопады Финляндии, – «Шум далекий водопада...» и «Иматра». В первом из них для автора были важны не столько сам пейзаж и конкретное место, вызвавшее поэтическую рефлексию (об этом свидетельствует, в частности, письмо к М. М. Стасюлевичу от 20 января 1895 г.), сколько состояние лирического героя, воспринимающего волшебную финскую природу. В автографе стихотворение было озаглавлено «Сумерки». Настроенное общего умиротворения, полудремы Соловьеву удалось мастерски создать через повторы отдельных слов и фраз («сон», «отрада», «белый», «раздается», «шум далекий водопада»). Эти повторы, соединенные в причудливые комбинации, чередующиеся с паузами, недоговоренностью, заволаживают, создают ощущение очередной набегающей волны, веко-

вечной повторяемости происходящего. Преобладает белый цвет – цвет чистоты и непорочности: «белый свод», «белый сон». Звуки приглушены: «шум далекий», «тихая отрада», «сердце смолкнуло», «в тишине». Все движения неторопливы, плавны или вообще отсутствуют: «веет», «отошли», «слилось», «неподвижная отрада». Автор подчеркивает не только первозданность, нетронутость финской природы, но и успокаивающее, очищающее ее воздействие на человека («все тревоги отошли»).

В соловьевской «Иматре» тема природы пересекается с темой любви. Настроение стихотворения несколько иное. Сквозными приемами в первом катрене становятся антитеза и контекстное противопоставление: «шум и тревога» – «покой»; «волны» (воплощение движения) – «снег» (неподвижность); «мутный» – «белый». Произведение богаче по цветописью. Кроме белого цвета снегов присутствует «пятно голубое» прибрежных льдин и «тихий», умиротворяющий жемчужный цвет неба. Поэтическая зарисовка финской природы у Соловьева вызывает во втором катрене ассоциацию с общим мироустройством, где преобладает бурное, шумное течение мировой жизни, прерываемое минутными паузами царства тишины («царит неизменный покой»). Таким образом, Финляндия воспринимается как царство покоя, тишины, сна, так необходимого для мгновенной передышки мчащейся общечеловеческой жизни. Завершающее четверостишие проецирует идею чередования в мироздании покоя и движения, шума и тишины на человека. Соловьев противопоставляет «страсти волну» «недвижно-могучему», «с небом сходящемуся» берегу истинной любви.

В стихотворении есть обращение: «дитя». На первый взгляд, оно совершенно случайно в произведении пейзажного типа, однако его присутствие, как показывает эпистолярный Соловьева, совершенно необходимо, даже концептуально. В январе 1895 г. автор послал «Иматру» практически одновременно близкому

другу В. Л. Величко и своей знакомой В. В. Котляревской. В первом из писем в качестве комментария содержалась ироническая приписка: «Примечание Мефистофеля: “Когда человек войдет в настоящие лета”» [5, 220]. Во втором – шутивная иллюстрация к стихотворению: поэт, «вошедший в настоящие лета» и стоящий на одном берегу реки Вуоксы, «кипучий, но мутный поток» которой «есть символ страсти», и дитя – на другом. Рядом с последним – заснеженный берег, «символизирующий чистую и холодную любовь», и «Жизнь мировая, изображаемая цепью мирового судьи» [6, 14]. Все это – под короткой полоской «неба». Несмотря на автопародийный характер рисунка, следует признать, что Соловьев сознательно включал в рамки текста своего рода дидактическую составляющую, пророчествовал о вещах, которые для его философского мировосприятия были беспорны.

Финская тема занимала в поэтическом творчестве Соловьева значительное место. С ней непосредственно связан ряд произведений пейзажной, любовной и философской лирики.

Очевидно, в рамках финского цикла нужно рассматривать стихотворение Соловьева «Сон наяву», переписанное сразу же после «Иматры» в письме к В. Л. Величко. Восходящее в жанровом отношении к древнерусским видениям и знаменам, это произведение расширяло трактовку финской природы максимально широко – до апокалиптического звучания. Чрезвычайно насыщенное разнообразными мотивами (неведомое в жизни человека, предопределенность судьбы, странничество, пророческая миссия избранника небес, одиночество, движение к высокой цели, глас небесный человечеству и др.), оно в то же время давало представление о существенных изменениях поэтического видения Финляндии у Соловьева. Теперь это уже не страна вол-

шебных грез и тайн, не место всемирного успокоения и гармонии, а некая сакральная зона, где присутствует незримое «лазурное око», где «вслух тишина говорит» (ранее: «звуки звучат тишиной»). Это место, где возможен «сон наяву», это область перехода от земного к потустороннему, граница между которыми настолько зыбка, насколько зыбок ритм самого стиха, варьирующийся от двухстопного до шестистопного амфибрахия. Как во сне, здесь краски нечетки («темнеют вдаль», «лазурное око опять потонуло в тумане»), конечная цель неясна («путь без стремленья»), но дважды явственно звучит главное: «...нежданное сбудется вскоре» [8, 110].

Цикл о Сайме завершился двумя июньскими поэтическими пейзажами «Июньская ночь на Сайме» и «Гроза утром», созданными в 1896 г. во время очередного пребывания Соловьева в Финляндии. Они по-летнему насыщены красками («золотисто-пурпурная ночь», «розы небес», «огнисто-лиловая бездна», «просветы лазури»), наполнены звуками («разогнали раскаты громовые», «разорвалась завеса до краю», «шумно льются потоки назревшие») и бодрым, жизнерадостным настроением. В обоих стихотворениях есть параллель между жизнью природы и жизнью лирического героя. В первом они даются контрастно: «Все светлей и светлей над тобой, // Но померкла святыня заветная, // Что царит над моею судьбой» [8, 112]. Во втором – то звучат в унисон, то также противопоставляются: «И просветы лазури открыты... // Но двоится твой взор: улыбается // И темнеет грозой незабытой» [8, 112]. Этот прием был унаследован автором от поэтов середины века – А. А. Фета, Ф. И. Тютчева и А. К. Толстого [см. об этом: 11].

Таким образом, финская тема занимала в поэтическом творчестве Соловьева значительное место. С ней непосредственно связан ряд произведений пейзажной, любовной и философской лирики. Отразившая целый комплекс философских и эстетических идей, финская тема получила в его поэзии совер-

шенно оригинальное художественное воплощение. Эволюция образа Финляндии в стихотворных произведениях 1893–1896 гг. позволяет говорить о направлении мировоззренческого и творческого развития философа в этот период: от оптимистического мировосприятия в духе тютчевского пантеизма к апокалиптике, от романтической идеализации к мифологизации.

В первых поэтических произведениях Соловьева о северной стране сложился образ края тайн, загадок, неведомого и несказанного, чему особенно способствовала безмолвная и очаровывающая финская природа, оказавшая на него потрясающе сильное впечатление. В «финском» цикле стихов поэта пейзажная тема переплетается с философской: всяческие проявления мощи стихий воспринимаются его творческим сознанием как результат противостояния двух главных основ бытия, как неизбежное движение мировой жизни от хаоса к гармонии, от тьмы к свету.

Цикл об озере Сайма пронизан любовными мотивами. С одной стороны, образ

озера мифологизируется. Автор придает ему женственные черты, в результате чего возникает поэтическая история любви к «фее, владычице сосен и скал». С другой стороны, образ максимально расширяется, переходит в образ Финляндии как царства абсолютного покоя, так необходимой для бурлящей общечеловеческой жизни передышки, становится образцом для отражения взаимопроникновения бытия природы, человека и космоса. Соловьев видел в финской природе некое сакральное начало, очищающее воздействие на человека. Начиная от «Сна наяву» образ Финляндии обретает у поэта апокалиптические черты, рисуется как край, где особенно сильно ощущение присутствия незримого, где можно напрямую контактировать с небесами, где проходит граница между земным и потусторонним. В стихотворениях Соловьева о Финляндии 1896 г. утрачивалось философское звучание, в то же время в традициях «чистой» лирики, с которой автор ощущал особую близость, более тесно переплетались картины жизни природной и человеческой.

Поступила 08.09.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Зуев, Н. Н.* «Что есть, что было, что грядет вовеки» (Вл. Соловьев и русская поэтическая традиция) // Рос. литературовед. журн. – 1994. – № 5/6. – С. 56–69.
2. *Магомедова, Д. М.* Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). – М., 2000. – Кн. 1. – С. 732–778.
3. *Макарова (Юрина), Н. Г.* Поэзия Ф. И. Тютчева в интерпретации Вл. Соловьева // Вторые Майминские чтения. – Псков, 1998. – С. 87–91.
4. *Минц, З. Г.* Владимир Соловьев – поэт // Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л., 1974. – С. 5–56.
5. *Письма Владимира Сергеевича Соловьева* / под ред. Э. Л. Радлова. – СПб.: Общественная польза, 1908. – Т. 1. – 283 с.
6. *Письма Владимира Сергеевича Соловьева* / под ред. Э. Л. Радлова. – СПб.: Общественная польза, 1911. – Т. 3. – 340 с.
7. *Соловьев, Вл.* Письма / Вл. Соловьев; под ред. Э. Л. Радлова. – СПб.: Время, 1923. – Т. 4. – 244 с.
8. *Соловьев, В. С.* Стихотворения и шуточные пьесы / В. С. Соловьев. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 352 с.
9. *Чжонг-Со, П.* Поэзия Владимира Соловьева (Проблема нравственного и эстетического идеала): автореф. ... дис. канд. филол. наук / П. Чжонг-Со. – М., 1995. – 29 с.
10. *Юрина, Н. Г.* Тема апокалипсиса в поэтическом творчестве Вл. Соловьева: романтико-реалистическая и символистская традиции // Соловьевские исследования. – 2012. – № 3 (35). – С. 67–81.
11. *Юрина, Н. Г.* Поэтическая традиция А. К. Толстого в лирике В. С. Соловьева // Actual problems of the theory and practice of philological researches: materials of the IV international scientific conference, on March 25–26, 2014. – Prague, 2014. – P. 109–112.